

ОБ АРХИТЕКТУРНОМ КОМПЛЕКСЕ БОЛЬШОЙ АГОРЫ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА

Центральное место в композиции городского ансамбля византийского Херсона занимает возвышенная восточная часть городища, на которой ныне расположен собор св. Владимира, выстроенный во второй половине XIX в. Место это относится к числу самых важных, доминантных памятников по причине нахождения здесь в античную и средневековую эпохи обширной, не менее 0,5 га площади (50–60 × 100 м), за которой постоянно сохранялась роль агоры¹. Площади (платеи, форосы) византийских городов очень редко попадали в число объектов систематических раскопок, и херсонесская верхняя, большая агора не исключение. В силу обстоятельств она исследовалась либо непрофессионально (плантором – “садоводом” корабельного леса для Черноморского флота К. Крузе, монахами), либо излишне поспешно, “плантажным способом”, с последующей засыпкой раскопанного (К.К. Косцюшко-Валюжинич), без должной тщательной фиксации, а частью, особенно с восточного и южного края, вообще осталась не исследована². Поэтому интерпретация, датировка и значение обнаруженных здесь средневековых построек остаются не до конца выясненными и порождают противоречивые мнения и ошибки, что заставляет в очередной раз обратиться к византийским памятникам местного происхождения и поискать их связь со свидетельствами житий и летописей.

Нет сомнений, что раннесредневековая херсонская агора, сочетавшая рыночный, торгово-ремесленный, общественный, культовый и административный характер, продолжала собирать основную массу горожан, служа местом притяжения самого разного люда, от “начальствующих”, архонтов, протевоннов, до социальных “аутсайдеров”, маргинальных групп – нищих, убогих, актеров, проституток. Для нее оставалась характерной замкнутая форма, вероятно, наличие колоннад, крытых портиков (эмволов или стои), хотя бы нескольких дворцовых, потестарных жилых зданий и помещений эргастириев, переносных, реже стационарных, каменных или деревянных прилавок – авак, лотков, где продавали самые разные товары, еду, питье, топливо, одежду³.

¹ Буйских А.В., Золотарев М.И. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. 2001. № 1. С. 128. Рис. 9; Романчук А.И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000. С. 165–169; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 557–561. Обмеры, дающие площадь античной агоры в 18700 кв. м², представляются неоправданно завышенными (ср.: Снитко И.А. Методика реконструкции античного города (на примере Херсонеса Таврического). Автореф. дис. канд. архитектуры. Харьков, 2005. С. 13).

² См.: Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год // ОАК за 1896 год. СПб., 1898. С. 168.

³ Ср.: Сорочан С.Б. Византия IV–IX веков: этюды рынка. Структура механизмов обмена. Изд. 2-е, испр. и доп. Харьков, 2001. С. 57–96, 339–340.

В инфраструктуру основательно застроенной площади входили “святые места”, храмы, отдельные гробницы, базилики с примыкавшими к ним галереями, которые иногда воспринимались в качестве варианта крытого рынка. Здесь же стояли разнообразные мраморные или медные, бронзовые “символы”, статуи, скульптуры, объекты малых архитектурных форм, барельефы, в значительной мере унаследованные от античной поры, к примеру, две медные статуи Гикии, пьедесталы которых, по словам Константина Багрянородного, находившиеся в городе любители прекрасного “регулярно от времени до времени обтирали”, чтобы прочесть написанное о давних событиях, причем каждый херсонит в меру своей образованности мог искать в подобных изображениях либо высший философский, либо более понятный, магический смысл⁴.

От большой агоры радиально были расположены основные элементы городского ансамбля. Так, к порту напрямик спускалась улица, тогда как по главной продольной магистрали города, пересекавшей площадь, можно было попасть соответственно к базилике апостола Петра (№ 36) и ко второй, нижней, малой агоре. С севера поперечная улица выводила к базилике № 22 откуда по II продольной улице открывался путь к епископальному комплексу с главным кафоликоном – большой базиликой свв. апостолов Петра и Павла и, возможно, церковью св. муч. Прокопия⁵.

Роль храма-кафоликона на верхней агоре выполняла довольно крупная (22,5 × 19 м по внутреннему обмеру) ранневизантийская базилика № 28, открытая в 1861 г., которая акцентировала центральную, привязанную к продольному водоразделу Херсонесского мыса ось города⁶. Поскольку ее выстроили на южной стороне агоры, почти на самом краю, она находилась перед высоким крутым спуском к портовому району и прекрасно просматривалась со стороны Карантинной бухты и Девичьей горки, во всей красе открываясь для входивших в бухту или приближавшихся к городу с юга. Тут же с востока, от Парфенона, базилики св. Петра и церкви-мартирия с подземным гробничным храмом к площади подходила широкая главная улица,

⁴ *Константин Багрянородный. Об управлении империей.* М., 1989. Гл. 53. 460–469. С. 270–271. В свое время на агоре стояло немало статуй божеств, героев, знаменитых граждан, военачальников, как, например, стратига царя Митридата Евпатора, Диофанта, жреца и дамиурга Аристона, сына Агтины, легатов и пропреторов императоров Веспасиана и Домициана соответственно Секста Ветуллея Кериалиса и Октавия Фронтоня, Лаодики, дочери Зета, жены Тита Флавия Партенокла, еще одной Лаодики, дочери Тита Флавия Аполлония и др. (IOSPE, I², 352, 353, 420, 421, 422, 431, 432; *Антонова И.А., Яйленко В.П.* Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н.э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. №4. С. 58–86). Какая часть из них уцелела от разгрома в эпоху победившего христианства, не была переплавлена, установить невозможно, но то, что византийцы, а значит, и херсониты, отчасти утилизировали подобное сохранившееся наследство и органично включали его в интерьер своих площадей, не подлежит сомнению (подробнее см.: *Mango C.* Antique Statuary and the Byzantine Beholder // DOP. 1963. Vol. 17. P. 53–75).

⁵ *Сорочан С.Б.* О локализации храма Св. Прокопия в византийском Херсоне // Культ святых мест в древних и современных религиях. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2005. С. 48–49.

⁶ *Лосицкий Ю.Г.* О доминантном каркасе застройки средневекового Херсонеса // Судья, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины. Материалы науч. конф. Киев; Судак, 2002. С. 167–168.

уводившая дальше через нижнюю, малую агору около Южных (“Мертвых”) ворот к западной оконечности города. Поэтому отсюда было особенно удобно совершать крестные ходы к церквям, мемориям и базиликам для совершения там торжественных праздничных литургий епископским чином.

А. Пелин называет базилику № 28 “вторым кафедральным собором Херсонеса” и связывает с именем Пресвятой Богородицы, ссылаясь на некое “устное предание” и труд Д.В. Айналова⁷. Стоит заметить, что ромейские города не знали западносредневековой системы одного и единственного главного собора. Здесь было, как правило, несколько кафоликонов, в которых совершали регулярные богослужения и в которых мог присутствовать епископ. Что касается “устного предания”, оно, видимо, связано со свидетельством позднего Радзивиловского летописного извода о пребывании князя Владимира в Корсуне (“Крестити са в церкви святыя Богородицы, и есть церковь стоящи в Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, идѣже торгъ есть”), и в таком случае должно быть отнесено к другому храму, известному так же, как храм св. Василия (согласно Повести временных лет в наиболее ранней Лаврентьевской редакции) или “Василиска” (согласно тексту Начального летописного свода Новгородской первой летописи младшего извода)⁸. С не меньшим основанием постройку можно было бы назвать летописной церковью св. Софии, Христа Спасителя (Спаса) или св. Иакова, поскольку в связи с различными редакциями Корсунской легенды о крещении князя Владимира таковые тоже могли находиться посреди города на агоре⁹. Впрочем, это не исключает, что уже в ранневизантийском Херсоне наряду с загородным существовал городской храм Богоматери, к тому же возведенный в числе первых, поскольку в новообращенных местах было принято называть первые церкви во имя Св. Девы Марии, Иисуса или Св. Троицы.

Так или иначе, самая большая базилика верхней агоры примечательна не только красивой, аккуратной, правильной кладкой из подтесанных камней, положенной внизу на несколько рядов плинф на цемянковом растворе (opus mixtum), а также пятигранной снаружи алтарной апсидой, но и тем,

⁷ *Протоиерей Александр Пелин*. Топография христианского Херсонеса IV–XIV веков: Дис. канд. богословия. Сергиев Посад, 2001 (рукопись). С. 119–120.

⁸ См.: *Dubois de Montpereux Fr.* Voyage autor du Caucase, chez les Tcherkeses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Vol. 6. P., 1843. P. 141 (судя по плану и описанию к нему, автор путал названия базилики № 28 и крестовидного храма № 27 на агоре, называя их то церковью Владимира, то церковью Богородицы); *Мурзакевич Н.* Херсонисская церковь св. Василия (Владимира) // ЗООИД. 1863. Т. 5. С. 997; *Маркевич А.* Несколько слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического / ИТУАК. 1901. № 31. С. 39 (архиепископ Иннокентий тоже отождествлял храм на месте Владимирского собора с “церковью в честь Рождества Пресвятой Богородицы”); *Повесть временных лет* / Подгот. текста Д.С. Лихачева, пер. Д.С. Лихачева, Б.А. Романова. М.; Л., 1950. Ч. 1: Тексты и перевод. С. 275; *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*. М.; Л., 1950. С. 152.

⁹ *Ипатьевская летопись* // ПСРЛ. Л., 1962. Т. 2. С. 97; *Летопись русский, за Ипатьским списком переклав Л. Махновец*. Київ, 1989. С. 63 (Св. Софии); *Устюжский летописный свод*. М.; Л., 1950. С. 34; *Владимирский летописец* // ПСРЛ. Л., 1965. Т. 30. С. 34 (Спаса); *Софийская первая летопись* // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 118; *Тверская летопись* // ПСРЛ. М., 1883. Т. 15. С. 104; *Вологодско-Пермская летопись* // ПСРЛ. Л., 1959. Т. 26. С. 30; *Сокращенный летописный свод 1493 г.* // ПСРЛ. Л., 1962. Т. 27. С. 210; *Сокращенный летописный свод 1495 г.* // ПСРЛ. Л., 1962. Т. 27. С. 314; *Летописный свод 1497 г.* // ПСРЛ. Л., 1963. Т. 28. С. 13; *Летописный свод 1518 г.* // ПСРЛ. Л., 1963. Т. 28. С. 172 (св. Иакова).

что она, как и крупнейшие кафоликоны города, в том числе кафедральный храм № 23 из епископального комплекса, имела амвон точно по центральной оси главного нефа, мощеного мраморными плитами¹⁰. Сооружение использовалось в первой части литургии, здесь размещался диакон, чтецы и певчие. Такое расположение было особенно удобно для процессионной литургии константинопольского типа, которая, судя по аналогичному литургическому устройству большого кафоликона – Уваровской базилики, была принята церковной общиной Херсона¹¹. Устройство храма, целиком и полностью совпадающее с одноапсидными базиликами со стропильным перекрытием, надежно датируемыми не позже второй половины VI в., а также толщина прослоек цемента в кладке *opus mixtum*, слегка превышающая толщину плинфы, число рядов которой достигает шести (табл. 1), позволяют отнести его возведение к поре наибольшей активности строительной деятельности херсонитов в конце правления Юстиниана I или при его ближайших

¹⁰ Айналов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. 1. С. 61, 63. Рис. 43; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. 63. С. 168–172, рис. 79–81; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 559–560; Завадская И.А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. Вып. 8. С. 264. Табл. III; Бернацки А.Б. Амвоны в интерьере раннехристианских базилик Западного и Северного Причерноморья // Церковная археология Южной Руси. Симферополь, 2002. С. 75. Судя по следам, это была массивная конструкция константинопольского типа, из мрамора, в виде узкой прямоугольной платформы на четырех колонках, очевидно, с эллипсоидным возвышением – балконом, огражденном парапетом, и с двумя маршами лестницы, которые с обеих сторон закрывались резными плитами. Если амвон был с одной лестницей, другой его конец делали закругленным. Длина подобных сооружений достигала 7–8 м, и они были наиболее широко распространены в 500–560-е годы (подробнее см.: *Sodini J.-P., Kolokotsas K. Alikli II: la basilique double*. P., 1984. P. 105–120; *Jakobs P.H.F. Die frühchristliche Ambone Griechenland*. Bonn, 1987 (Habolts Dissertationsdrucke. 24); *Duval N., Chevalier P. Ambons* // *Salona I: Catalogue de sculpture architecturale paléochrétienne de Salon / Ed. N. Duval et al. Rome, 1994. P. 184–186; Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века)*. М., 2002. С. 165–167, 374–375, 405). Амвон базилики № 28 находился, как и полагается, в восточной части центрального нефа соответственно продольной оси церкви, в двух метрах от солеи, выложенной плитами проконнесского мрамора, на которых сохранились ремесленные метки мастеров. Не исключено, что он имел вогнутую мраморную чашу на нижней плоскости: ее обломок очень большого диаметра, вышиной 6 см, был найден во время раскопок в западной части агоры (Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 году // ИАК. 1904. 9. С. 60). О существовании амвона известно в Уваровской базилике, а также в крестовидном храме № 19 (Сорочан С.Б. О датировке и интерпретации храмового архитектурного комплекса на месте античного театра Херсонеса // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. 2003. № 594. Історія. Вип. 35. С. 60–61). Судя по каменному архиерейскому креслу в синтроне, подобному устроенному в алтарной части Западной базилики, храм № 19 в свое время тоже играл особую, “кафедральную” роль. Наконец, присутствие амвона, как о том свидетельствуют мраморные обломки элементов его конструкции, можно подозревать в Западной базилике, являвшейся монастырским кафолионом, вероятно, известной из агиографии церковью св. Леонтия (Сорочан С.Б. О храме Созонта, “доме св. Леонтия” и мартирии св. Василия в раннесредневековом Херсоне // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 154). В остальных херсонских церквях роль амвона, обычно ограждаемого невысокими резными мраморными колоннами и тонкими плитами, выполняла центральная часть солеи — возвышения перед алтарной преградой. Следовательно, уже только поэтому базилика № 28 была одним из четырех самых значительных храмов города, соответствовавших его основным четырем “регионам”.

¹¹ Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen des taurischen Chersonesos (Krim) // Mitteilungen zur christlichen Archäologie. Wien, 1998. Bd. 5. S. 75–76.

Таблица 1. Сооружения с кладкой opus mixtum в раннесредневековом Херсоне и его округе

Объект	Размеры плинфы (в см)	Толщина прослойки раствора (в см)	Количество рядов	Время сооружения
13 куртина	28–29 × 28–29 × 4–4,5	4	4	V–VI вв.?
Общественное здание ("термы" или ятрина) около castellum aquae и 13 куртины	28–29 × 28–29 × 3,5– 4,5–5	4–5	4–6	V–VI вв.?
Здание государственной "апофики" в портовом квартале 2	27–28 × 27–28 × 3–4	5	5	начало VII в.
Постройка невыясненно- го значения (птохион св. Фоки?) возле небольшого храма (раскопана в 1902 – 1904 гг. "между складом древностей и откосом, занятым казематом кре- постной артиллерии")	?	?	?	V–VI вв.?
"Здание Г" ("дворец") около малой агоры	?	?	?	IV–VI вв.?
Базилика № 28 на боль- шой агоре	25 × 25 × 4,5	5	4–6	вторая полови- на VI – начало VII вв.
Крестовый храм св. муч. Василия (№27) на боль- шой агоре	?	?	не менее 3	VII в.
Восточная базилика Апо- стола Петра (№ 36)	?	?	?	конец VI – на- чало VII вв.
Баптистерий (№ 24) око- ло Уваровской базилики свв. Апостолов Петра и Павла	28–29 × 28–29 × 3	6–7	4–5	конец VI – на- чало VII вв.
Южная "галерея" Уваров- ской базилики свв. Апо- столов Петра и Павла	24 × 17 × 3	7	4	конец VI – на- чало VII вв.
Северная базилика (№ 22)	30 × 30 × 3	7	4	конец VI – первая треть VII вв.
Базилика 1932 г.	?	?	?	около середины VII в.
Западная базилика св. Леонтия (№ 13)	?	?	?	конец VI – на- чало VII вв.
Тетраконхиальный купольный меморий (№ 47)	26 × 13 × 3; 30 × 18 × 3	?	?	третья четверть VI в.
Ограда Южного загород- ного храма Богоматери Девы Марии Влахернской	40 × 23 × 3,5; 35 × 23 × 4	5,5	уцелело 3	вторая полови- на VI – начало VII вв.
Многокамерная построй- ка в раннесредневековом поселении "Приморское" в Ласпинской котловине	?	?	?	VII – VIII вв.?

преемниках¹². Вместе с тем несколько меньшие размеры плинфы, дающие отличия в формате от подавляющего большинства остальных случаев, позволяют думать, что сооружение базилики на агоре открыло этот ряд большихстроек. Она была также одной из немногих, которая, как и Уваровская базилика, украсилась стенной мозаикой¹³. Это надо отметить особо, поскольку в целом декоративная предметно-изобразительная программа в виде мозаик, фресок в византийских церквях считается до X в. неразвитой¹⁴.

С южной стороны базилика № 28 имела галерею, а к северо-восточному углу левого нефа было пристроено двухкамерное сооружение с намеком на центричность в апсидальной части, которое, судя по конфигурации, имело заплечья для сводчатого перекрытия, опиравшегося на арки. Примечательно, что подобные куполообразные перекрытия были присущи баптистериям, а самому куполу приписывалось символическое значение¹⁵. В пристойку вел вход с севера, со стороны площади, а другая дверь выводила прямоком в неф храма. К.К. Косцюшко-Валюжинич уверенно упоминал об этой конструкции как о крещальне, которая была варварски сломана вместе с боковыми нефами и нартексом по распоряжению администрации Херсонесского монастыря ради укладки тротуара и иных, чисто хозяйственных соображений¹⁶. Подробного описания сооружения по своему обыкновению он не оставил. Видимо, интерпретация не вызывала у него сомнений, которые поневоле посещают современных исследователей, не желающих верить на слово¹⁷. К баптистерию, в свою очередь, примыкало небольшое продолговатое помещение с возвышенной площадкой и лестницей у западной стены, которое могло служить катехумением – местом для процедуры экзорцизма перед крещением либо, учитывая его расположение к востоку от крещальной комнаты, хрисмарионом (консигнаторием) для миропомазания, после чего крещенные, облачившись

¹² См.: *Сорочан С.Б.* Об источниках финансирования и причинах «архитектурного бума» в византийском Херсоне конца VI – начала VII в. // *Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура. Материалы международ. научно-практической конф.* Белгород, 2004. Ч. 1. С. 266–272.

¹³ Мозаика несомненно покрывала апсиду алтарной части храма, на что указывают находки здесь смальты – 472 кусков с позолотой, 110 – черных, 108 синих, 36 – красных и 30 – зеленых (*Косцюшко-Валюжинич К.К.* Раскопки Херсонеса в 1896 г. // *Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом.* М., 1897. Т. 5. С. 177; *Отчет заведующего раскопками в Херсонесе К.К. Косцюшко-Валюжинича за 1896 год.* С. 172–173).

¹⁴ Ср.: *Тафт П.Ф.* Византийский церковный обряд. СПб., 2000. С. 81–83.

¹⁵ *Ristow S.* Frühchristliche Baptisterien. Münster, 1998. (Jahrbuch für Antike und Christentum, Ergänzungsband. 27). S. 266; ср.: *Хрушкова Л.Г.* О начале христианского Херсонеса Таврического: крестовидная церковь на главном кладбище // *Сугдейский сборник.* Киев; Судак, 2005. С. 406.

¹⁶ *Отчет за 1901 год* // *Архив НЗХТ.* Д. № 10. Л. 7. А.Л. Якобсон, безоговорочно принявший эту трактовку памятника, указывал на аналогичное расположение баптистериев при италийских храмах, а также при Восточной и Западной базиликах византийского Херсона (Раннесредневековый Херсонес. С. 184).

¹⁷ Ср.: *Завадская И.А.* Баптистерии ранневизантийского Херсонеса // *Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Севастополь, 2001.* С. 36; *Она же.* Баптистерии Херсонеса (к истории крещального обряда в ранневизантийский период) // *МАИЭТ.* 2002. Вып. 9. С. 263–264.

в белые одеяния, шли в главный неф базилики для участия в Божественной литургии и принятия Св. Даров¹⁸.

Нарядный храм на агоре требовал периодических ремонтов и обновлений, как и остальные действующие культовые сооружения раннесредневекового Херсона. Поэтому его центральная апсида с наружной стороны была подложена камнями на извести, а стилобаты нефов выложены бутом на том же растворе¹⁹. Но дело не ограничивалось только незначительными переделками.

В самый апогей “темных веков” в городе сооружали новые типы культовых зданий²⁰. Примером такой постройки является крестовокупольный храм, располагавшийся рядом с главной продольной улицей в месте ее прохождения вдоль южной стороны большой агоры в центре раннесредневекового Херсона. Ныне его остатки (по счету Императорской археологической комиссии – № 29) виднеются около Владимирского собора, в один ряд с ранневизантийской базиликой № 28. Храм имел почти квадратную форму (примерно 16 × 19 м) в виде вписанного креста, отделенного стенами от угловых частей (ширина ветвей креста около 5 м). Таким образом, его внутреннее пространство не имело единства, а верх мог быть не обязательно купольным. Не менее вероятно арочное или сводчатое покрытие.

Все указывает на ранние черты здания. Их отмечали и Д.В. Айналов, и А.Л. Бертье-Делагард²¹. С этим был согласен и А.Л. Якобсон, который без достаточных оснований позже стал “с несомненностью” относить постройку “к концу IX или к X в.”²². Противореча себе, он писал, что храм не имел единого внутреннего пространства, как это характерно для раннего типа крестовокупольных зданий, берущих начало в VII в. Лишь в дальнейшем, с X в., стенки, отделяющие угловые помещения, атрофировались, а опорные столбы стали отдельно стоящими. Но ничего этого в херсонесском храме нет и, следовательно, он вполне мог быть построен в VIII в. или немного позже, чему не противоречит на редкость аккуратная техника кладки из крупных, гладкотесаных и плотно пригнанных блоков известняка, положенных правильными рядами, с внутренним бутом на известковом растворе, и общая композиция – подчеркнутый внутри и снаружи центральный крест здания, что было характерно именно для ранневизантийской архитектуры²³. В частности,

¹⁸ См.: Айналов Д.В. Развалины храмов. С. 61. Рис. 42, 44. Помещения для миропомазания новоокрещенных известны в баптистериях у Уваровской базилики и «базилики в базилике» (Сорокан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 589–591, 635–636).

¹⁹ Айналов Д.В. Развалины храмов. С. 61.

²⁰ *Romanpuk A.I.* Cherson im Mittelalters // BS. 1992. Vol. 53. F. 2. S. 211.

²¹ Айналов Д.В. Развалины храмов. С. 57, 63–64; Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе. Крестообразный храм. Крещальня. Крепостная ограда // ИАК. 1907. 21. С. 19 сл.

²² Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // МИА. 1950. 17. С. 230. Рис. 129; ср.: Он же. Раннесредневековый Херсонес. С. 215–217. Рис. 109–111; Он же. Средневековый Крым. М.; Л., 1964. С. 72. Рис. 23, а.

²³ По этому поводу Д.В. Айналов заметил следующее: “Великолепно тесанные штучные блоки известняка в главной апсиде и во всех сохранившихся остатках стен сложены без цемента. Штучный камень в кладке апсиды был тесан по циркулю. Можно предположить, что исчезновение большей части развалин этого храма обязано соблазну, который представляли отлично тесанные камни. Такая кладка стен в Херсонесе встречается не часто...” (Развалины храмов. С. 64).

из больших хорошо отесанных камней была сложена типичная для Херсона сравнительно крупная раннесредневековая базилика № 17 (30 × 18,13 м), открытая в 1889 г. в квартале L, и позже полностью уничтоженная²⁴. Из такого же гладкотесанного штучного камня, положенного правильными рядами, выложены стены ранневизантийской базилики Крузе (№ 7) и пристройка к северной стороне баптистерия около Уваровской базилики, что, по мнению А.Л. Якобсона, “очень характерно для строительной техники раннего средневековья”²⁵. Он же признавал “старую традицию” кладки храма № 29, а также то, что по планировке памятник еще близок к крестовидным зданиям и предшествует развитым крестовокупольным храмам²⁶. Тем более, что полные аналогии херсонесскому храму находятся среди малоазийских, балканских и восточночерноморских церквей не только IX, но и VII–VIII вв.²⁷ В частности, храм №29 обнаруживает значительное сходство с храмом в с. Дранда (в 23 км от Сухуми), который вполне может быть датирован VII в., судя по находкам разгрузочных амфор соответствующего типа в его своде²⁸. А.Л. Якобсон приводит среди аналогий пафлагонский храм начала VIII в. на острове близ Амастриды (Амастры), полностью тождественный херсонскому не только по композиции, но и по кладке, тоже состоящей из крупных, тщательно тесаных блоков камня²⁹. А. Пелин склонен датировать храм № 29 не позже IX в. и тоже указывает на очевидные черты, предшествующие такого рода сооружениям X в.³⁰

В пользу монументального общественного строительства в это время в Херсоне косвенно свидетельствует находка в 1892 г. в южной части большой агоры мраморной капители VIII–IX вв., украшенной по четырем сторонам грубым изображением рельефного трилистника, и свойственная той же эпохе условная, геометризованная трактовка растительных мотивов, форма “процветших” крестов двух кубовидных и одной конической капители³¹. Это же подтверждает уникальная находка при раскопках квартала IX на северном берегу вторично использованной известняковой плиты с плохо сохранившимся

²⁴ Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1889 год. СПб., 1892. С. 14; *Айналов Д.В.* Развалины храмов. С. 50–51; *Романчук А.И.* Очерки... С. 223. В 1905 г. рядом с базиликой было обнаружено более 600 обломков различных мраморных деталей – баз, карнизов, капителей, плит от алтарной преграды и от вымостки пола (*Косцюшко-Валюжинич К.К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // ИАК. 1907. 25. С. 141).

²⁵ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 188, 210, ср. Рис. 93, 108 и 110–111. В то же время отсутствие кладки *opus mixtum* в этих постройках – кладки, использовавшейся в Херсоне до первой половины VII в., – говорит в пользу того, что указанные сооружения появились ближе к VIII в.

²⁶ *Он же.* Средневековый Крым. С. 72.

²⁷ *Он же.* Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. 1988. Т. 49. С. 166–167.

²⁸ *Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники... С. 259 – 270. Рис. 102, 105.

²⁹ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 216. Рис. 112, 1.

³⁰ *Протоиерей Александр Пелин.* Топография христианского Херсонеса... С. 50–51, 143–146. Датировка строительства храма № 29 временем не ранее конца XI в. не находит объяснений (ср.: *Айбабин А.И.* Крым в X – первой половине XIII века. Херсон // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003. С. 143. Табл. 57, № 1).

³¹ Отчет за 1892–1893 гг. // Архив НЗХТ. Д. 3. Л. 3 об.; *Домбровский О.И.* Херсонесская коллекция средневековых архитектурных деталей // СХМ. 1963. Вып. 3. С. 85.

греческим текстом строительной надписи VIII–IX вв. об освящении храма (ἀνὴν[ε]νὴ [σθ]η ὁ ναὶ ὠς), надо полагать, нового или основательно обновленного, некими Илихом Од(или) и Гапром Казариби, т.е. священниками с тюркскими именами³². Такого же рода строительство шло в это время и в окрестностях города, причем даже в поселениях, дарованных салтовцам, очевидно, пришлым, переселенцам, и контролируемых не только ромейскими, но и хазарскими властями³³.

Другое дело, что храм № 29 на агоре был подвергнут после своего сооружения достройке, которая исказила его правильную конфигурацию. Поначалу с запада к нему примыкала сводчатая галерея, на что указывают основания пилястров – тяг арок. Основания таких пилястров прослеживались и вдоль северной стены, но, вопреки ожиданиям, их не оказалось с юга, где правая ветвь креста была непропорционально удлинена пристройкой, которая явно не входила в первоначальный план³⁴. Это несколько снизило эмоциональное выражение красоты его архитектуры, устремленность ввысь всей массы храма, который, будучи предтечей типовых крестовокупольных сооружений, воспринимался не столько изнутри, сколько снаружи.

Разногласия вызывают отождествление и время сооружения в самом центре главной площади города храма № 27, высотой около 5 м, по композиции в виде “свободного креста”, весьма близкого к кафоликону № 19 на месте античного театра и южному загородному мартирию Богородицы Влахернской³⁵. Сомнения рождали относительно небольшие размеры церкви, на первый взгляд, не соответствовавшие кафедральному храму (длина северной и южной ветвей 6,18 м, западной ветви 7,21 м, восточной ветви 5,15 м, ширина ветвей 7,21 м), тогда как даже соседняя базилика № 28 была почти в два раза больше, на что обратил внимание уже А.Л. Бертье-Делагард. Поначалу он отнес постройку храма № 27 ко времени не ранее XI в. и на этом основании отверг его возможную связь с летописной церковью, где крестился князь Владимир³⁶. Тем не менее планировка этой типичной крестовидной церкви вполне соответствовала эпохе раннего средневековья. Во всяком случае, А.И. Романчук вслед за А.Л. Якобсоном, поначалу датировавшая храм VI в., обратила внимание на его схожесть с размерами и планом аналогичного

³² Виноградов А.Ю., Комар А.В. Институт тудуна и хазары в Юго-Западном Крыму VIII – начала IX в. в контексте новых данных эпиграфики // Сутдейский сборник. – Киев; Судак, 2006. Вып. 2. С. 52–54. Рис. 2.

³³ Там же. С. 42–52. Рис. 1; Сорочан С.Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X в.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. Ч. 2. С. 1007–1010. Рис. 390–393.

³⁴ Айналов Д.В. Развалины храмов. С. 63 – 64.

³⁵ Остатки его западной ветви и алтарной полукруглой апсиды с заплечиками, разобранные и сложенные заново с применением цемента, находятся на нижнем этаже Владимирского собора, поскольку были отождествлены с той церковью св. Василия, в которой в Херсоне принял крещение князь Владимир. См.: Мурзакевич Н. Херсонисская церковь св. Василия (Владимира). С. 996; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 200; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 551–555; Протоиерей Александр Пелин. Топография христианского Херсонеса... С. 120, 134. Храм известен лишь по планам.

³⁶ Размеры даны по: Лосицкий Ю.Г. Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // ААИК. Киев, 1988. С. 33; ср.: Бертье-Делагард А.Л. Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // МАР. 1893. № 12. С. 45, 71.

храма на склоне Мангуа, открытого в 1981 г., время сооружения которого достаточно уверенно определяется не позже конца IX в.³⁷ Следовательно, рассчитанные Ю.Г. Лосицким модули для крестовидных церквей Херсона (общее кратное длины всех ветвей креста и ширины стен) могут быть ранее предлагаемых X–XI вв., на чем, собственно, и не настаивал исследователь в целом на основании аналогий относивший время возведения таких храмов ко времени не ранее VI в.³⁸

Видевший остатки храма № 27 Ф. Дюбуа де Монпере связывал его постройку с ранневизантийским временем, на что, по его мнению, указывали ионийские капители грубой работы и высокие колонны с “длинными” крестами, характерной для этого времени формы³⁹. Разумеется, они могли быть спoliaми, позаимствованными из более ранних сооружений, однако этому противоречит весьма важное наблюдение А.Л. Бертье-Делагарда, сделанное “по подробным распросам”, о находке во время раскопок храма плинфы, в частности куска длиной 1,06 м и толщиной 0,81 м с тремя рядами кирпичей, что не подходит для кладки свода, но соответствует, скорее всего, стенам в технике кладки *opus mixtum*, какую наиболее широко использовали в общественном строительстве Херсона именно в VI–VII вв. (табл. 1)⁴⁰. Сам исследователь пересмотрел раннее заключение и стал относить постройку “к тому же VII или VIII веку”, что и близкий ему по размерам и датировке крестовидный кафоликон № 19, открытый в 1897 г. на месте античного театра⁴¹. Косвенно на время существования здания к концу раннего средневековья могут указывать находки медных монет, обнаруженные, по словам ведшего здесь раскопки в 1827 г. инженера подпоручика Карла (Николая) Крузе, “при выкидывании земли”. В письме, опубликованном в питерской газете “Северная пчела”, он сообщал: “...на большей части монет сих изображены с одной стороны литера В, а с другой крест”, т.е. речь шла о весьма многочисленных херсон-византийских медных монетах времени правления Василия I, обилие и простую выразительность которых трудно было не заметить даже случайным “археологам”-дилетантам⁴². К сожалению, прочие монетные находки не удостоились даже такого скупого упоминания и навсегда пропали для науки.

Уже первые исследователи центрального храма большой агоры обратили внимание, что постройка отлично сохранила свои монументально сложенные стены из больших, грубо обработанных камней на прочном известковом растворе⁴³. Это было здание, возведенное с особым тщанием, с мозаичными и мраморными полами, с множеством декоративных мраморных плит и кар-

³⁷ Мыц В.Л. Крестообразный храм Мангуа // СА. 1990. № 1. С. 226; ср.: Романчук А.И. Херсонес XII–XIV вв.: историческая топография. Красноярск, 1986. С. 168; Он же. Очерки... С. 74, 229.

³⁸ Ср.: Лосицкий Ю.Г. Опыт реконструкции... С. 29–30.

³⁹ Dubois de Montpereux Fr. Voyage autour de Caucase... P. 144–145.

⁴⁰ Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе... С. 17. Примеч. 2.

⁴¹ Там же. С. 68. Рис. 3, 5.

⁴² Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII – середина XIX в.). СПб., 2002. С. 511; ср.: Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 159–161, № 351–383.

⁴³ Русские древности в памятниках искусства издаваемые графом И. Толстым и Н. Кондаковым. СПб., 1891. Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. С. 15; Айналов Д.В. Развалины храмов. С. 57.

низов, в том числе с греческими надписями, которое, судя по расположению и значительной толщине стен, превышавшей метр, могло подражать купольным сооружениям, но даже в позднем, последнем варианте купола не имело, а скорее было перекрыто коробовыми сводами над ветвями и конусовидным, четырехскатным верхом с деревянными стропилами над широким и низким барабаном, на что указывают находки внутри храма деревянных балок⁴⁴. Как заметила Л.Г. Хрушкова, в таком виде храм № 27 – типичное раннехристианское сооружение, какие обычно не выходят за рамки VII в.⁴⁵

Справа (к югу) от алтарной апсиды размещалась не связанная с ней стенами “капелла”, вероятно, возведенная если не одновременно с храмом, то вскоре, очень похожая по устройству и внутренней конфигурации на восточное помещение в пристройке к плечу левого нефа базилики № 28, которая имела заплечья для четырех арочных перекрытий, поддерживавших сводчатый верх. Она могла служить пастофорием неопределенного назначения, диаконником (ризницей), мемориальной или гробничной часовней, поскольку в крупных церквях место мемориального, поминального культа нередко располагалось поблизости от алтаря. Следует учесть, что значение и расположение таких восточных боковых компартиментов долгое время, до XI–XII вв., оставалось нечетким, их использовали для разных специальных служб⁴⁶, но не исключено, что характерное для баптистериев сводчатое помещение, как и у базилики № 28 и загородного храма Богородицы Влахернской, являлось крещальней со стационарной или переносной купелью⁴⁷. К слову, подобная портативная, по выражению Л.Г. Хрушковой, мраморная купель в виде перевернутой усеченной пирамиды с квадратным основанием 0,76 × 0,90 м, с отверстием для спуска воды и изображением крестов по узким сторонам (“как на капителях”) была открыта на агоре в 1891 г.⁴⁸. Впрочем, поскольку крещения были не частыми, ограничиваясь несколькими днями в году, этот

⁴⁴ Д.В. Айналов придерживался этого мнения вслед за А.Л. Бертье-Делагардом и архитектором Авдеевым, снимавшим план агоры (*Айналов Д.В. Развалины храмов*. С. 60). Наличие “купола на высоком барабане”, о чем пишут некоторые исследователи, не более чем гипотеза (*Романчук А.И. Очерки...* С. 229).

⁴⁵ Хрушкова Л.Г. Крестовидные церкви Херсонеса Таврического // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международ. науч. конф. Киев; Судак, 2004. Ч. 2. С. 235; *Она же*. Христианские памятники Крыма (состояние изучения) // ВВ. 2004. Т. 63. С. 183.

⁴⁶ См. историографию проблемы: Σωτηρίου Γ. Η πρόθεσις και διακονικόν εν τη αρχαία εκκλησία // *Theologia*. 1941. Per. Β'. Τ. Α'. S. 76–100; *Stricevic D.* The Diakonikon and the Prothesis in Early Christian Churches // *Starinar*. N.S. 1958–1959. T. 9–10. P. 59–66; *Babic G.* Les chapelles annexes des eglises byzantines. P., 1969; *Mathews Th.F.* The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. Pennsylvania; London, 1971; *Curcić S.* Architectural Significance of Subsidiary Chapels in Middle Byzantine Churches // *Journal of the Society of Architectural Historians*. 1977. Vol. 36. N 2. P. 94–110; *Taft R.* The Great Entrance. A History of the Transfer of Gifts and Other Preamble Rites and of the Liturgy of John Chrysostom. Rome, 1978; *Walter Ch.* Art and Ritual of the Byzantine Church. L., 1982; *Descoudres G.* Die Pastophorien im syro-byzantinischen Osten. Weisbaden, 1983.

⁴⁷ Ср.: Хрушкова Л.Г. О начале христианского Херсонеса... С. 404–406.

⁴⁸ Отчет за 1891 г. Раскопки в Херсонесе в пределах городских стен // Архив НЗХТ. Д. № 2. Л. 5; Раскопки в Таврической губернии. 1) В Херсонесе // ОАК за 1891 г. СПб., 1893. С. 4; Бертье-Делагард А.Л. Древности Южной России... С. 50. Примеч. 4; ср.: Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники... С. 416.

компартимент мог сочетать, наравне с ними, и другие литургические функции, что было в порядке вещей⁴⁹.

Видимо, необходимость иметь жертвенник (професис) со столом-престолом для приготовления проскомидии заставила позже, не ранее VIII в., когда сформировалась служба, происходящая в жертвеннике, пристроить слева от апсиды еще одно, более крупное помещение, сложенное из бута и украшенное напольной мозаикой⁵⁰. Косвенно это тоже указывает на более раннее происхождение самого храма. Дело в том, что проскомидия как самостоятельная часть классической литургии оформилась лишь около 700 г., и приготовление Св. Даров во время богослужения не было предусмотрено в оригинальной константинопольской литургии свт. Иоанна Златоуста⁵¹. Поэтому до VIII в. херсонская литургия состояла не из трех, а из двух частей: во-первых, общей литургии, включавшей проповедь и “приготовление к тайне”, которое позже выделилось в самостоятельную часть, совершавшуюся в самом начале литургии (проскомидия, професис), и, во-вторых, “возношения тайны” (анафора)⁵². Этим можно объяснить, почему в структуре храмов, построенных в основном во второй половине VI–VII в., изначально не предусматривалось помещение жертвенника и лишь позже, с изменением в структуре самой литургии, к которым уже существующим культовым зданиям стали пристраивать дополнительные помещения – пастофории, как в нашем случае, усложнившие восточную часть храмов. Показательно, сам термин *prothesis* для обозначения помещения, где происходила проскомидия, вошел в употребление не ранее IX в.⁵³

Впрочем, северная пристройка к алтарной части храма № 27 могла иметь и гробничный, мемориальный характер. Поэтому асимметрию боковых восточных компартиментов в этом случае следует объяснять не неграмотностью строителей, а различием функций пастофорий⁵⁴, один из которых служил, вероятно, крещальной, а другой, более поздний, – професисом, диаконником, скевофилакием или мартирием. Кроме того, достройка южного, а затем и северного пастофориев демонстрирует изменение замысла и корректировку первоначального проекта, с чем не раз приходится сталкиваться в херсонском строительстве раннесредневекового времени.

С юго-западной стороны, напротив главного входа к храму примыкала ограда атриума (аулы), отчетливо указанная на плане агоры, снятом накануне строительства Владимирского собора. Это обстоятельство тоже заслуживает особого внимания, так как позже, в постиконоборческий период такие предхрамовые дворы перестают быть чертой, свойственной крупным, значительным ромейским церквам-кафоликонам с монументальными входами⁵⁵. Их сменяют узкие, невысокие нартексы, коридорообразные постройки с запада, а сами церкви, по выражению Роберта Тафта, “свернуты внутрь”.

⁴⁹ Ср.: *Descoudres G. Die Pastophorien...* S. 156 – 159.

⁵⁰ *Айналов Д.В. Развалины храмов.* С. 56, 60. Рис. 42.

⁵¹ *Walter Ch. Art and Ritual...* P. 190; *Taft R. The Great Entrance...* P. 178–182.

⁵² *Филарет. О трудах Иоанна Златоуста // Христианское чтение.* 1849. Ч. 1. С. 19.

⁵³ *Babic G. Les chapelles annexes...* P. 63.

⁵⁴ *Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники...* С. 402, 410; *Она же. Крестовидные церкви...* С. 232; *Она же. Христианские памятники Крыма...* С. 184; ср.: *Лосицкий Ю.Г. Опыт реконструкции...* С. 29–30.

⁵⁵ *Тафт Р.Ф. Византийский церковный обряд.* С. 79.

Крестовидная форма сооружения подсказывает, что храм изначально носил отчетливо выраженный меморативный характер и был построен в самом центре обширной площади не случайно. Именно здесь в 1891 г. при строительстве собора св. Владимира был обнаружен карниз из проконнесского мрамора с посвятителной строительной надписью VI–VII вв., упоминавшей, судя по трактовке А.Ю. Виноградова, пассаж из псалма 112, 7 (“от гноища возвышай убогого”) и комита Василия (ἡμεῖς βασιλίου), вероятно, благодарного благочестивого ктитора, строителя храма, каким вполне мог являться храм № 27⁵⁶. Его высокий, “в виде амфитеатра”, как отметил К. Крузе, синтрон в полукруглой алтарной апсиде, облицованный “мраморными тонкими позолоченными дощечками”⁵⁷, указывает на периодическую необходимость собирать здесь в больших количествах клир для отправления особенно торжественных служб, в том числе, наверняка, мемориального характера. Учитывая, что “киона” – столп с крестом в память о месте убиения первого епископа города Василия – был со временем установлен херсонитами на агоре, по которой некогда язычники безжалостно влекли мученика, самым вероятным местом для возведения храма в его память следует считать ту же площадь (τὸ πλῆθος Житий свв. епископов Херсонских)⁵⁸.

Особо следует подчеркнуть: в списке Повести временных лет, вошедшем в состав Лаврентьевского летописного списка 1377 г., т.е. в самой ранней редакции общерусского летописного свода, церковь, которая стояла “в Корсуни граде на месте посреде града, идеже торг деют корсуняне” и в которой принял крещение князь Владимир, названа именем св. Василия. В Новгородской первой летописи младшего извода, тоже отражающей Начальный свод, она объявлена цековью св. Василиска, что, очевидно, является незначительным искажением имени Василия (Василея), а не греческого слова basilika, как предположил Д.С. Лихачев в своем комментарии к изданию Повести временных лет⁵⁹. И только более поздние русские письменные источники сообщают иные названия, возможно, объясняемые все возрастающей со временем путаницей, допускаемой составителями, переписчиками и редакторами⁶⁰.

⁵⁶ Виноградов А.Ю. Греческие христианские надписи из Северного Причерноморья в коллекции ГИМ // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Памяти Н.П. Сорокиной. Труды ГИМ. М., 2006. Вып. 159. С. 291–293. № 3. Рис. 2.

⁵⁷ См.: Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 552.

⁵⁸ Ср.: Жития Свв. Ефрема, Василея, Евгения, Агафодора, Елпидия, Еферия и Капитона // Лавров П. Жития херсонесских святых в греко-славянской письменности. Памятники христианского Херсонеса. М., 1911. Вып. 2. С. 156. Сек. 8; Страдание святых священномучеников и епископов Херсонских Василея, Капитона и иных с ними / Пер. с греч. В. Латышева // ИАК. 1907. 23. С. 110, В 8.

⁵⁹ Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2: Приложения / Ст. и коммент. Д.С. Лихачева. С. 338.

⁶⁰ Ср.: Повесть временных лет. Ч. 1: Тексты и перевод. С. 50, 77; ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. 2-е изд. Л., 1926. Стлб. 51; Новгородская летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 152. Радзивилловская летопись сообщает о церкви во имя Богородицы, Ипатьевская – о церкви Св. Софии, Владимирский летописец и Устюжский летописный свод – о церкви Спаса, одна из редакций Повести о перенесении иконы Николы Зарайского, Житие князя Владимира особого состава, Новгородская четвертая, Софийская первая, Воскресенская, Вологодско-Пермская, Тверская летописи, Хронограф и другие, восходящие к Московскому своду Фотия (1423 и 1418 г.), сокращенные летописные

Недаром Владимир был наречен после крещения Василием. Поскольку в Византийской церкви, как заметил архиепископ Иннокентий Таврический, существовал обычай давать крещаемым имена святых, какие приходились через семь дней после крещения, то весной, в апреле, на Пасху, к кануну которой, скорее всего, было приурочено крещение князя и его дружины, ближайшим святым с этим именем являлся Василий Амасийский (день памяти 26 апреля)⁶¹. Не могло не сыграть свою роль и знаменательное совпадение с именем правившего императора, согласно византийской миродержавной доктрине становившегося “отцом” и для Владимира (аналогичный случай мы имеем с болгарским государем Борисом, ставшим после крещения Михаилом). Само крещение в храме, чьим небесным покровителем являлся св. муч. Василий (Василей херсонских житий), тоже удачно сочеталось с выбором крестного имени князя. Наконец, имя упомянутого выше благодарного знатного ктитора-комита поразительно перекликается с именем святого мученика, которому был посвящен храм, что не может не наводить на соответствующие размышления. Позднейшую же путаницу, скорее всего, могли породить названия иных средневековых храмов, числом не менее пяти, находившихся на агоре по соседству, о которых, разумеется, знали на Руси, ибо ее разнообразные связи с Корсунью никогда не прерывались. Примечательно, что число вариантов названий этих храмов (св. Василия, Св. Богородицы, Св. Софии, св. Иакова, Христа Спасителя), видимо, не случайно совпадает с числом самих храмов на центральной площади города.

Если выражение “посреде града” составителя Корсунского рассказа летописи можно понять неопределенно (как “внутри города”, “в городе”), то крайне важное уточнение “идеже торг деют корсуняне” (“идеже торг есть”) без сомнений свидетельствует не в пользу раннесредневекового епископального комплекса на северном берегу, а в пользу большой (верхней) агоры, варианта ромейского фороса, платей, которая, как в прочих византийских городах, играла полифункциональную роль рыночного, общественного

своды 1493, 1495, 1497 гг., летописный свод 1518 г. — о церкви в честь Св. Иакова (см.: Повесть временных лет. Ч. 2: Приложения / Ст. и коммент. Д.С. Лихачева. С. 338; Ипатьевская летопись. С. 97; Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Л., 1959. Т. 26. С. 30; Сокращенный летописный свод 1493 г. С. 210; Сокращенный летописный свод 1495 г. С. 314; Летописный свод 1497 г. С. 13; Летописный свод 1518 г. С. 172; Мусин А. Археология Корсунской легенды // Православные древности Таврики. Киев, 2002. С. 147). Не мудрено, что путаница с определением названия храма № 27 оказалась усвоена последующими поколениями и продолжилась уже вскоре его археологического открытия. Типичным примером может служить записка члена Комиссии по сооружению Владимирского собора Ф. Лашкова, в которой без каких-либо оснований об остатках крестовидного храма заявлено как о “древнем храме Рождества Богородицы” (Лашков Ф. Историческая записка о сооружении в Херсонисе храма Св. Равноапостольского Князя Владимира // ИТУАК. 1888. 5. С. 14, 134 (рис.) Между тем у З.А. Аркаса, отправившего в 1861 г. в ООИД описание средневековых фундаментов, найденных на месте сооружения собора Св. Владимира, не было сомнений в том, что здесь был именно храм во имя Св. Василия: “Удивляться надо множеству церквей, построенных близко одна от другой, но, к сожалению, они будут снесены, за исключением одной (Св. Василия) под храмом Св. Владимира, развалины которого останутся в том же виде, с малою поправкою, чтобы можно было служить литургию” (Тункина И.В. Русская наука... С. 533).

⁶¹ См.: Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... С. 298.

и культового центра⁶². Следует особо заметить, что в нарративных источниках термин “торг” устойчиво закрепился именно за заимствованным из латыни греческим словом *ὁ φόρος*, т.е. форум⁶³. Не считая шести помещений поздневизантийского времени, располагавшихся вдоль V поперечной улицы в III квартале, в которых можно подозревать эргастрии, поблизости от Уваровской базилики, без достаточных оснований выставляемой в качестве претендента на роль легендарной летописной церкви, нет больше объектов такого рода, а имевшиеся едва ли удовлетворили бы условиям массового торгового херсонитов⁶⁴. Этот район, в отличие от центральной платей, совершенно не годился для таких целей и был предназначен для иного.

Только здесь, на верхней агоре, логично искать ту “палату... с края церкви”, в которой пребывал перед крещением Владимир, а также “палату за алтарем”, где поместили царицу Анну встретившие ее корсунцы. И та, и другая постройка, по словам составителя Корсунского летописного рассказа, еще стояли по меньшей мере до первой половины – середины XI в., когда был составлен Древнейший свод, и, значит, как и сама церковь св. муч. Василия, имели шанс дожить до окончательной гибели города⁶⁵. Раскопки рядом с Уваровской базиликой не выявили справа от нее и перед ней следов потестарных сооружений, подходящих под определение “палаты” (от греч. *παλάτα* – “дом, дворец”). За алтарем храма находился ряд помещений под общей кровлей, может быть, хозяйственных, подсобных или кладовых, чуть дальше, на самом берегу моря, – остатки небольшой церквушки или часовни, открытой в 1891 г. и уничтоженной во время сооружения четырехорудийной батареи в 1904 г., и еще меньшая трехкамерная постройка, принадлежавшая мастерской с тремя колодцами, вырубленными в скале и оштукатуренными цемянкой, и остатками дренажной системы, тогда как рядом с южной галереей кафоликона располагались баптистерий и базиликальный храм “А”, которые, в свою очередь примыкали к продольной улице и жилому кварталу III⁶⁶. Разумеется, следы неких сооружений еще могут быть скрыты под засыпью орудийной батареи 1904 г., однако они находились бы за алтарем малого базиликального храма “А”, возможно, житийной церкви св. Прокопия, а не самого большого

⁶² Ср.: *Беляев С.А.* Уваровская базилика // *Литературная Россия*. 1989. № 21. 26 мая; *Он же*. “Теперь узнал я истинного Бога” // *Наука в СССР*. 1990. № 1. С. 87; *Crimean Chersonesos: City, Chora, Museum, and Environs* / Ed. G.R. Mack, J.C. Carter. Austin, Texas USA, 2003. P. 103. О роли византийских городских площадей подробнее см.: *Сорочан С.Б.* Виантия IV–IX веков... С 57–114, 339–340.

⁶³ См.: *Лосева О.В.* География Византийской империи глазами переводчика древнерусского пролога // *Восточная Европа в древности и средневековье*. XVIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. Материалы конференции. М., 2006. С. 116.

⁶⁴ См.: *Гриневич К.Э.* Северо-восточные кварталы Херсонеса Таврического по данным раскопок Р.Х. Лепера // *Херсонесский сборник*. 1930. Вып. 3. С. 77.

⁶⁵ *Повесть временных лет*. Ч. 1. С. 50; *Данилевский И.Н.* Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 81. По словам составителя Тверской летописи, “палаты” Владимира и Анны простояли “до второго Корсунского взятия” (Тверская летопись // ПСРЛ. М., 1883. Т. 15. С. 108).

⁶⁶ См.: Генеральный план северо-восточной части Херсонесского городища по раскопкам прежних лет и с натуры в 1928 г. чертил Н. Янышев // *Херсонесский сборник*. 1930. Вып. 3; Отчет за 1904 год // Архив НЗХТ. Д. 13. Л. 20; *Домбровский О.И.* О хронологии “Базилики Уварова” // *Историческое наследие Крыма*. 2004. № 3–4. С. 19.

кафоликона города, освященного во имя свв. апостолов Петра и Павла⁶⁷. В данный епископальный комплекс, заметим, никак не связанный ни с именем св. Василия, ни с остальными названиями церквей, известных из версий Корсунского рассказа, действительно входила стационарная обособленная крещальня. Однако надо учесть, что Уваровский баптистерий (№ 24) к концу X в. уже мог потерять свою основную роль, ибо на месте купели и около расписанной фресками стены южной ниши экседры были устроены гробницы, превратившие его в мавзолей-меморий⁶⁸. Таким образом, все это противоречит предположению С.А. Беляева, разделяемому некоторыми исследователями и ныне вошедшему едва ли не в учебники⁶⁹, о связи Уваровской базилики с местом крещения князя Владимира и расположением “палат”, ибо власти ромеев и русов могли руководствоваться в своем выборе церкви в Корсуні не обязательно только критерием величины избранного храма.

Между тем на планах, снятых архитектором Авдеевым и городским архитектором поручиком Вяткиным до начала строительства Владимирского собора, можно отыскать искомые летописные сооружения. Недавно это предположение высказал, но не развил диакон А. Мусин, который писал, что «система храмов в центре Херсонеса, связанная с комплексом престижных жилых помещений – “палат”, вполне может претендовать на место совершения княжеского крещения и венчания»⁷⁰.

Целеноправленные попытки искать эти “палаты”, или правильнее сказать, византийские палатии, парадные помещения – триклинии – предпринимались лишь один раз, но место раскопок остается неизвестно. О них как о курьезе сообщал председатель ТУАК А.Х. Стевен. По его словам, работы производились в 1889 г. на месте, указанном отставным матросом Шевченко. В прошении на имя императора он заявил, что ему в точности известно место дома, в котором проживал великий князь Владимир. В результате “в течении целой недели раскапывали указанное им пространство, но не нашли ничего, кроме обыкновенных остатков здания”⁷¹. Что это было за здание и в чем заключалась его “обыкновенность”, теперь остается только гадать.

Вместе с тем, обращаясь к упомянутым чертежам, следует заметить, что крестовидный храм-меморий кроме основного входа с запада имел еще один, в торцевой части южной ветви креста. Ведший здесь раскопки К. Крузе писал в 1827 г. в своем письме в “Северную пчелу”, что по бокам этого входа “приметна мраморная оправа с резною работою”, а стены рядом украшены мраморными карнизами⁷². На расстоянии восьми метров, почти напротив южного входа располагалась прямоугольная постройка, которая, в свою очередь, имела вход с севера, со стороны крестовидного храма № 27. Она замыкала пространство между крестовокупольным храмом № 29 и базиликой

⁶⁷ Сорочан С.Б. О локализации храма Св. Прокопия... С. 48–49.

⁶⁸ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Херсонес–Херсон–Корсунь. Киев, 2003. С. 125.

⁶⁹ Археологія України. Курс лекцій. Київ, 2005. С. 498; Романчук А.И., Филиппов В.А. Результаты исследования разведочной аэрофотосъемки западной части городища Херсонеса Таврического в 2005 г. Научный доклад. Севастополь; Тюмень; Екатеринбург, 2005. С. 32.

⁷⁰ Мусин А. Археология Корсунской легенды // Православные древности Таврики. Киев, 2002. С. 151–152.

⁷¹ Стевен А.Х. Раскопки в Херсонесе в 1889 г. // ИТУАК. 1889. 8. С. 102.

⁷² См.: Тункина И.В. Русская наука... С. 511.

№ 28, чья апсида выступала внутрь образовавшегося таким образом строения с полезной площадью около 40 кв. м⁷³. На плане 1861 г. при входе обозначена квадратная площадка с двумя ступеньками. Далее на восток от площадки следует часть стены и две базы от бывших здесь колонн⁷⁴. По поводу этого сооружения Д.В. Айналов отметил, что “общий план остатков стен и колонн дает возможность предполагать в них развалины какого-то портика (точнее сказать, эмвола. – С.С.), находившегося при северной стене крестообразного храма и смежного со входной колоннадой”⁷⁵.

Поначалу, во время раскопок игумена Херсонесского монастыря, Василия, они были приняты за следы дома, о которых в ноябре 1853 г. было впервые сообщено архиепископу Херсонскому и Таврическому Иннокентию: “При открытии места около развалин храма, который назначен к возобновлению, в память крещения св. равноапостольного князя Владимира, с правой стороны их, ровно с стеною большого строения (т.е. храма № 29. – С.С.), открыты остатки трех мраморных колонн, на таких же пьедесталах. Они обращены к церкви (храму № 27. – С.С.) и, как видно, образовали галерею какого-нибудь большого и хорошего дома, остатки которого частью открыты. Теперь, кажется, можно сказать, что это был терем царский. На прежнем плане, поданном Вашему Высокопреосвященству, церковное строение и стена дома (читай. – храмы № 27 и 29. – С.С.) были соединены малым полукругом (экседрой или конхой. – С.С.), а теперь между ними свободный ход, а полукруг не составлял фундаментальной постройки. Впереди алтаря [восточнее храма № 27] тоже отыскана стена с перегородками, но для верного определения все это нужно углубить и рассмотреть далее”⁷⁶. Таким образом, игумен Василий в целом был на верном пути, хотя и путал “царский терем” с остатками храма № 29, однако раскопки оказались прерваны ввиду невозможности расплатиться с рабочими из средств киновии.

Другая “палата” уверенно прослеживается на расстоянии 4–5 м за алтарной апсидой церкви св. Василия на том месте, где прошла восточная стена собора св. Владимира. На планах, снятых в 1853 и 1861 гг., указаны остатки сложенного из бутового камня прямоугольного здания (15 × 7 м), одно из трех внутренних помещений которого имело в стене конху или экседру. Подобное повторение ранневизантийской дворцовой архитектурой, аристократическими домами апсидальных, храмовых элементов было в порядке вещей и нередко встречалось в триклиниях, где в конхе помещали икону, кресло или трон⁷⁷. Однако архитектор Авдеев назвал конху “отверстием в виде экседры” и по необъяснимой причине посчитал его устроенным для проведения воды, а само помещение – кальдарием, хотя явственных признаков бани здесь не было⁷⁸. В действительности таковая располагалась еще восточнее, сразу за палатием, занятым Анной, в юго-западном углу квартала VII, через VII поперечную улицу. На плане, составленном в 1861 г. поручиком Вяткиным,

⁷³ Айналов Д.В. Развалины храмов. С. 48–61. Рис. 38, 42–44.

⁷⁴ На плане 1853 г. у Авдеева показаны базы от трех колонн.

⁷⁵ Айналов Д.В. Развалины храмов. С. 64. Рис. 43–44.

⁷⁶ Тункина И.В. Русская наука... С. 526.

⁷⁷ Foss C. Life in City and Country // The Oxford History of Byzantium / Ed. C. Mango. Oxf., 2002. P. 83, 87; Каждан А.П. Два дня из жизни Константинополя. СПб., 2002. С. 93.

⁷⁸ Айналов Д.В. Развалины храмов. С. 55–56. Рис. 42.

под литерой f так и значится: “открытая баня”. В отличие от предыдущей постройки она имела все атрибуты ромейской валании “анфиладного” типа и состояла из четырех смежных помещений, размещенных в ряд, что делает ее похожей на раннесредневековую баню рядом с Северной базиликой № 22 и баню в центре квартала III⁷⁹. На плане также были отмечены одна прямоугольная ванна и “часть мраморного котла” (ванны?) в разных помещениях и остатки двух печей префурнии, примыкавшего с западной стороны. Раскопки здесь Р.Х. Лепера в 1913–1914 гг. добавили к этому каменные квадратные столбы – постаменты для колонн или арок массивных камарных сводов⁸⁰.

Примечательно, что к северу от здания бани и в 10 м рядом с тем, что можно считать “палатами Анны”, в углу агоры при исследовании в 2002 г. раскопками С.Г. Рыжова и А. Бернацки было обнаружено оригинальное гидросооружение – вместительная закрытая водосборная цистерна (6,1/5,9 × × 5,4 × 6 или, по сделанным мной обмерам, 5,5 × 5,5 × 6,3 м) объемом около 180 куб. м, резервуар которой наполнялся водой примерно наполовину⁸¹. Облицованная камнем в два ряда и, видимо, частью вырубленная в скале, она была покрыта изнутри мощными слоями гидрофобного красноватого раствора толщиной около 3–4 см, хорошо заглаженного, и перекрыта сверху искусно выполненным из камня и плинфы камарным сводом, разделенным на шесть ячеек, пять арок которого покоились на паре высоких, овальных в сечении мраморных колонн вторичного использования. В качестве капители одной из них служила база. Немало таких крытых цистерн ранневизантийского времени, уникальных для других районов империи, находилось в Константинополе (крупнейшие – цистерна Юстиниана в квартале Халкопратии, цистерна Аспара, цистерна Аэтия), в том числе в Большом царском дворце. В одной из них около 830 г. утонул младенец Константин, сын императора Феофила⁸².

На высоте человеческого роста от дна цистерны на ее стенах, отчасти по сырой цемянковой штукатурке, были прочерчены различные граффити, среди которых кресты, всадники, парусно-гребные корабли, растения, птицы, животные, надписи на греческом, имена, оставленные, скорее всего, теми, кто строил, а затем время от времени периодически производил чистку и мелкий ремонт гидросооружения. Разумеется, они не были выполнены одновременно, а сделанный мной визуальный осмотр позволил заметить, что некоторые из них были нанесены по еще сырой цемянковой обмазке. Большая часть граффити, видимо, была процарапана на стенах уже после того, как сооружение было заброшено, но еще не засыпано.

⁷⁹ Сорочан С.Б. Бани византийского Херсона (VI–X вв.) // Древности 2005. Харьков, 2005. С. 203–209. Рис. 2–6.

⁸⁰ Производство археологических раскопок. Таврическая губерния. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1913–1915 годы. Пг., 1918. С. 58

⁸¹ Херсонесский сборник. Supplement 1. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX–XI вв.). Севастополь, 2006.

⁸² *Theophanes Continuatus*. Ioannes Cameniatæ. Symeon Magister. Georgius Monachus / Rec. I. Bekker. Bonnæ, 1838. P. 87 (III. 4); *Продолжатель Феофана*. Жизнеописания византийских царей / Изд. Я.Н. Любарский. СПб., 1992. С. 42. Комментарий: 9; *Каплан М.* Золото Византии / Пер. с франц. Ю. Розенберг. М., 2002. С. 67.

Вода вливалась сверху, под сводами, с восточной стороны, где сохранились остатки не менее двух небольших каменных лоткообразных жолобовых водопроводов, горловины которых оканчивались гончарными трубами (одна из них, диаметром 0,18 м, сохранилась *in situ*). Аналогичный каменный жолоб, не закрытый плитами, был открыт в 1898–1898 гг. перед Западными воротами города, где пролегалo две или три линии водопровода, последовательно сменявшие друг друга⁸³. При раскопках в 1902 г. с западной стороны собора св. Владимира К.К. Косцюшко-Валюжинич тоже нашел отрезок подобного желоба, только гончарного, из пяти лотков, вставленных один в один, который мог иметь прямое отношение к системе водоснабжения и цистерны, и бани, отмеченной на планах 1853 и 1861 гг.⁸⁴

Судя по аналогиям подобных сооружений и найденным в засыпи материалам, водосборник мог просуществовать с VI–VII вв. до конца XI в., времени правления Романа IV Аргира или несколько позже (основная масса обнаруженных в нем монет относится к IX–XI вв.)⁸⁵, после чего гидросооружение перестало действовать, было заброшено, через некоторое время засыпано, а на его месте выстроена средневековая усадьба.

Стратиграфические материалы показывают, что цистерна засыпалась не одномоментно, ее заполнение шло в несколько этапов, на протяжении большей части XI в. На это указывает многое, в частности наличие в нижних слоях засыпи византийской белоглиняной поливной керамики, тогда как в верхней части заполнения присутствовали обломки уже поздневизантийской белоглиняной расписной керамики и красноглиняной поливной посуды, среди которой доминируют находки тарелок с орнаментом “сграфитто”⁸⁶. Кроме того, на самом дне цистерны, даже в отстойнике, встречены фрагменты амфор кувшинов с плоскими ручками и амфор с дуговидными ручками. Следует также обратить внимание, что черепица – керамиды и калиптеры с кровли свода (около 30% керамического материала) – находилась преимущественно в самых нижних слоях, там же, где и каменный завал⁸⁷, а вот вымостки пола из бутового камня, “неплотно уложенных скальных обломков”⁸⁸, которую, по словам исследователей цистерны, якобы сделали на ее дне после прекращения ее функционирования как водосборного сооружения, на стратиграфическом разрезе нет⁸⁹.

⁸³ Бертъе-Делагард А.Л. Как Владимир осаждал Корсунь // Известия Отделения русского языка и словесности АН. 1909. Т. 14. Кн. 1 (отд. отт.). С. 29.

⁸⁴ Лотки имели четырехугольную форму (0,59 м длины, 0,10 м ширины в узком конце, 0,14 м в широком конце); заведующий раскопками по ошибке отнес их к системе канализации древнегреческой эпохи (Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 году // ИАК. 1904. 9. С. 60. Рис. 37). Совершенно аналогичный участок раннесредневекового водопровода из семи керамических лотков, каждый длиной 0,58 м, глубиной канала 0,11–0,12 м, шириной в узком конце 0,08–0,09 м, в широком 0,125–0,140 м, при толщине стенок 0,03 м, со швами соединений, залитых крепким известковым раствором, был открыт А.К. Тахтаем в 1939 г. в районе Стрелецкой бухты (к югу от слободки Вакулинчука, бывшей Туровки) (Тахтаев А.К. Разведочная раскопка древнего водопровода в окрестностях слободки Вакулинчука // Херсонесский сборник. 1948. Вып. 4. С. 65–66. рис. 1).

⁸⁵ Херсонесский сборник. Supplement 1... С. 85–94.

⁸⁶ Там же. С. 104.

⁸⁷ Там же. С. 96.

⁸⁸ Там же. С. 28, слой 8.

⁸⁹ Там же. Рис. 11.

Виден лишь каменный завал от 0,7 до 1,4 м. Более того, нижние камни здесь носят железистые следы, указывающие на присутствие воды как и на стенах, и на колоннах на высоте около 0,4 м от пола⁹⁰.

Начаться этот процесс запустения и засыпи мог после 20–30-х годов XI в., что увязывается как с сочетанием датирующих групп керамики из раскопанного комплекса⁹¹, так и со следами разрушений, проглядываемыми с этого времени по всему Херсону и вполне возможно, связанных с последствиями мощного землетрясения. Видимо, издатели результатов раскопок сооружения тоже склонялись к подобному выводу, ибо в заключении отметили, что “цистерна прекратила функционировать по своему прямому назначению, вероятно, в связи событиями конца X – начала XI в., которые привели к частичному разрушению системы водоснабжения византийского Херсонеса”⁹². Более того, они верно заметили, что окончательная засыпь произошла в связи с разборкой и выравниванием территории квартала VII, датирующегося серединой IX – концом XI в., для его перепланировки⁹³. Примечательно, что формирование основной засыпи этого сооружения в конце XI – начале XII в. точно совпадает не только с этим, но и с прекращением существования архитектурного комплекса фемного претория с гарнизонной трехапсидной церковью в цитадели, что может говорить о неких новых процессах в жизни города⁹⁴.

Но зато результаты радиоуглеродных исследований, проведенных и, к слову, не опубликованных польскими учеными, не могут служить решающим доказательством строительства цистерны не ранее второй половины IX в.⁹⁵, поскольку такого рода исследования особой точностью не отличаются, да и, надо понимать, пробы были взяты из засыпи цистерны, т.е. могут свидетельствовать не о ее строительстве, а о времени, когда она, подобно большому водосборному сооружению у Южных ворот Херсона, могла перестать действовать по своему назначению. Создание сооружения и его засыпь, разумеется, не одно и то же. Даже если речь шла о деревянных образцах строительных конструкций, балок, понятно, что в объекте, использовавшемся веками, они должны были периодически обновляться. Ни одна деревянная конструкция не продержится с VII до XI в., тем более во влажном помещении крытого бассейна. На наличие ремонтов указывает и мощность не боящийся воды обмазки: не менее двух слоев.

Едва ли есть разумная вероятность считать возможным превращение гидросооружения в некую яму – подземную тюрьму на главной площади, хотя бы потому, что ромеи не знали такой практики. Число тюрем вообще было невелико. Они представляли собой дома, в которых виновные не отбывали наказание, а где их содержали перед судом или перед наказанием. Ромейские тюрьмы находились под епископским надзором, входили в комплексы здания претория, случалось, размещались даже внутри дворцовой галереи, портика, либо для предварительного содержания заключенных приспособляли неко-

⁹⁰ Там же. С. 28.

⁹¹ Там же. С. 107.

⁹² Там же. С. 219.

⁹³ Там же. С. 220.

⁹⁴ Сорочан С.Б. Византийский Херсон... С. 997–1006.

⁹⁵ Херсонесский сборник. Supplement 1... С. 219.

торые городские оборонительные башни, но настоящим местом заключения служили монастыри, поскольку лишение свободы представлялось видом особенного церковного смирения, т.е. делом душеспасительным⁹⁶. Византийские агиографы эпохи “темных веков” в своих описаниях темниц обычно прибегали к образам крошечных, крайне тесных помещений, темных, грязных, кишящих мухами и другими мерзкими тварями⁹⁷.

Между тем некоторым исследователям херсонесской цистерны видится наличие в ней даже двух больших смен узников (“как сподвижники и соратники Георгия Цулы, так другие городские аристократы, возглавившие мятеж спустя пол века”)⁹⁸. Ответственность такого вывода зависит лишь от степени воображения отразившихся на него. Наложение на одни граффити других, более поздних, едва ли может свидетельствовать о взаимной неприязни делавших их людей, как и о разделении на некие “морскую и “степную” группы, по предположению А. Бжустовской⁹⁹. Состав граффити весьма разнообразен, здесь есть как сравнительно сложные композиции с надписями церковного содержания, так и простейшие рисунки, но сам по себе набор сюжетов из изображений корабликов или лошадей, всадников, собачек, птиц, крестов достаточно обычен: подобные рисунки можно увидит прочерченными на инкерманских скалах или выполненными в качестве меток на средневековой черепице Херсона. Говорить о том, что создававшие их люди представляли различные культуры и традиции, не приходится¹⁰⁰. Это представители провинциальной ромейской культуры¹⁰¹. В таком людном месте, как агора, где некоторое время стоял не засыпанным разрушенный, заброшенный водонакопитель с его идеально подходящими для граффити цемянковыми стенами, трудно было бы не ожидать увидеть процарапанных рисунков и надписей.

Наличие у дна цистерны значительного скопления створок раковин морских моллюсков вполне логично объяснить не рационом питания узников, а тем, что ее засыпали мусором, кухонными отбросами¹⁰². Подобная картина наблюдалась и в засыпи большого общественного водохранилища у Южных ворот, да и нередко при раскопках заброшенных рыбозасолочных цистерн города. Анализ остеологического материала, проделанный О.П. Журавлевым, показывает наличие в засыпи цистерны костей быков, овец, коз, свиней, лошадей, кулана, кабана, оленя, зайца, а также домашних собак и котов (послед-

⁹⁶ Подробнее см.: *Суворов Н.* О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876. С. 78–79; *Сидоркин А.И.* Лишение и ограничение свободы как наказания в византийском праве // *Forum Romanum*. Доклады III международ. конф. “Римское частное и публичное право: многовековой опыт развития европейского права”. М., 2003. С. 138–142; *Гийу А.* Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005. С. 161; *Каплан М.* Золото Византии. С. 131.

⁹⁷ *Каждан А.П., Шерри Ли Ф., Ангелиди Х.* История византийской литературы (650–850 гг.). СПб., 2002. С. 473, 484.

⁹⁸ Херсонесский сборник. Supplement 1...С. 89.

⁹⁹ Там же. С. 55–84.

¹⁰⁰ 100 же. С. 220.

¹⁰¹ *Романчук А.И., Быков М.Я.* Рисунки средневековых кораблей из крепости Каламита // ВВ. 1981. Т. 42. С. 143–146; *Романчук А.И.* Херсон XIV в.: каким могли видеть свой город Херсониты // *Античный мир. Византия. К 70-летию проф. В.И. Кадеева*. Харьков, 1997. С. 281–287.

¹⁰² Херсонесский сборник. Supplement 1. С. 28, 95.

них соответственно 8 и 2%), что, по мнению автора, является “характерной особенностью данного объекта”, ибо “вряд ли узников этой тюрьмы хорошо кормили”¹⁰³. Но ведь в разных слоях той же засыпи встречены и кости двух–трехлетнего ребенка и трех взрослых людей¹⁰⁴. Разумеется, нет надобности в столь причудливых построениях, противоречащих известному “принципу Оккама”: земля для засыпи бралась переотложенная, как это обычно прослеживается в Херсоне, она была насыщена фрагментами керамики, строительных деталей вторичного использования, обломками бытовых вещей, мусором, а едва ли не первым, что попадает в яму, какой стала выглядеть в XI в. заброшенная цистерна, являются группы кошек и собак.

Называть это сооружение “главным городским водонакопителем”, т.е. видеть в нем *castellum aquae*, тоже неправомерно, ибо оно было способно вместить в десять раз меньше того городского водохранилища, что существовало до IX в. включительно недалеко от Южных ворот. Скорее всего, подземное гидросооружение с камарным сводом было рассчитано на обслуживание соседней бани в VII квартале и комплекса из нескольких храмов, палатив и административных зданий на большой агоре, а не жителей одного дома, для которых не нужно было столь больших запасов воды¹⁰⁵. Во всяком случае, оно несомненно существовало в период событий 988–989 гг. и именно как гидротехническое, а не “агротехническое” сооружение.

Не исключено, что именно его имел в виду К. Крузе, когда писал в “Северную пчелу”: “Недалеко от строения (храма № 27 – С.С.) находится грот, вероятно, служивший водохранилищем, по той причине, что видны в нем подземные глиняные трубы”¹⁰⁶. Позже в своей докладной записке он еще раз отметил: “На зади сего строения (храма № 27. – С.С.) находилась цистерна с трубой, в которую видно впускаема была вода из городского водопровода”¹⁰⁷. В “Описании местности, на которой находятся развалины Херсонеса, и предметов, достойных в нем примечания, с присовокуплением простых исторических сведений”, составленном 22 ноября 1827 г. по поручению командира Севастопольской инженерной команды инженер-полковника Вербовского, сохранился более пространный рассказ об этом свежееоткрытом “гроте”, позволяющий, несмотря на некоторые неточности, допущенные в отношении недокопанной постройки, дополнить результаты исследований, а по сути дела, исследований 2002 г. “Бассейн, – отмечал составитель документа, – по надлежащем соображении должно полагать резервуаром для воды, в который сия последняя проходила посредством рукава из водовода. Бассейн сей имеет 1 сажень в квадрате [4,55 м²], почти столько же углубления, бока оного обложены песчаным камнем, вход или отверстие рукава и самый рукав довольно тесны. Первое колено оного имеет направление от запада к югу на 6 градусов, длиною 7 фут 1 дюйма [2,15 м]; второе от севера к западу на 52 градуса, длиною в сажень [2,13 м], третье от севера к западу на 70 градусов и длиною 4 сажень 1 фут [8,84 м], в сем последнем находится даже вода. Из оного идут

¹⁰³ Там же. С. 171.

¹⁰⁴ Там же. С. 217–218.

¹⁰⁵ Ср.: Там же. С. 13, 25, 29, 219.

¹⁰⁶ См.: Тункина И.В. Русская наука... С. 512.

¹⁰⁷ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. С. 552.

рукава направо и налево и составляют, по-видимому, самый водопровод, они чрезмерно тесны и наполнены водою”¹⁰⁸. Таким образом, общие размеры сооружения – прежде всего самой недокопанной цистерны, – снятые, видимо, по внутренним обмерам, преуменьшены, но зато в описании особенно ценны указания точных размеров отрезков трех водоводов, из которых ныне сохранились следы лишь двух.

Видимо, состояние гидросооружения какое-то время после его открытия было вполне сносным, поскольку в “Записке о восстановлении древних свя-тых мест по горам Крымским” (1850), архиепископ Иннокентий предлагал восстановить храм № 27 и, в частности, “возобновить древнюю, находящуюся при церкви, цистерну”¹⁰⁹. Даже если она не входила в число тех 17 цистерн, которые были обнаружены к 1891 г. во время раскопок площади агоры К.К. Косцюшко-Валюжиничем по причине позднейшей застройки этого места, к тому же заваленного камнями от строившегося рядом Владимирского собора¹¹⁰, указание на возможное отношение закрытой водосборной цистерны к “гроту” К. Крузе не может быть категорически отвергнуто. Едва ли на одной площади могло оказаться еще одно столь редкое сооружение.

Там же на центральной агоре располагался небольшой одноапсидный, трехнефный храм № 26 (6,4 × 3,25 м), вход в который вел с VIII поперечной улицы¹¹¹. Его южный, более широкий, чем северный, неф являлся “крытым кладбищем”, был приспособлен под усыпальницы-кимитирии. С северной стороны площадь замыкал еще один базиликальный, трехнефный храмик № 32 с двумя колоннами в ряду (5 × 2,13 м)¹¹². Очевидно, они оба, как и крестовидный храм № 27, занявший самое видное место на агоре, действовали до конца существования города. Раскопанные в 1861 г. во время работ, связанных с подготовкой строительства Владимирского собора, храмы № 26 и № 32 остаются не датированными. Однако на их принадлежность раннему средневековью может указывать общая архитектоника платей – главной площади Херсона, которая не могла оставаться не законченной спустя долгое время после того, как обширное христианское культовое строительство второй половины VI – первой половины VII в. преобразило облик города. Зрительными доминантами большой агоры должны были стать дворцы и христианские храмы, оформившие ее прямоугольник со всех сторон и венчающие середину.

Вероятно, первой была воздвигнута крупная базилика № 28, возможно, посвященная Богоматери, которая тем самым включила часть главной улицы в состав главной площади, оконтурила ее новую южную границу и одновременно подчеркнула главную линию водораздела мыса, берущую начало от культового комплекса с храмом апостола Петра на Восточной площади, Парфеноне – бывшем античном теменосе¹¹³. Позже по центру средневековой

¹⁰⁸ См.: Тункина И.В. Русская наука... С. 510–511.

¹⁰⁹ Там же. С. 525.

¹¹⁰ Раскопки в Таврической губернии. 1) В Херсонесе // ОАК за 1891 год. С. 4–5.

¹¹¹ Айналов Д.В. Развалины храмов. С. 64.

¹¹² Там же. С. 67.

¹¹³ См.: Сорочан С.Б. Где находился херсонесский храм св. Петра? // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы науч. конф. Севастополь, 2001. С. 3–6; Он же. О храме во имя апостола Петра в раннесредневековом Херсонесе (Херсоне) // Восток – Запад: межконфессиональный диалог. Тез. докл. и сообщ. Севастополь, 2002. С. 37–38.

агоры возник крестовидный мемориальный храм № 27, в два раза меньший базилики № 28, но зато отождествляемый с церковью во имя св. муч. Василия (Василя) – небесного патрона города; к востоку от нее появился палатий, имевший триклиний с конхой (“палата Анны”), и рядом – подземное гидросооружение с камарным сводом, напоминающее грот; север и запад замкнули небольшие базиликальные храмы № 26 и № 32, а южная граница была подчеркнута и одновременно продолжена в восточном направлении, главным для каркаса городской застройки, сооружением крестовокупольного храма № 29 и эмвола, послужившего со временем “палатой Владимира”.

В заключении еще раз следует подчеркнуть, что появление христианских культовых построек на главной площади не превратило ее лишь в “идеологическую доминанту”: соседство храмов и даже гробниц никогда не мешало рыночной жизни площадей византийских городов, а давнюю традицию “курсунцев” собираться на торг посреди града, то есть рядом с церковью св. Василия и другими потестарными зданиями, вполне определенно отметил автор летописного Корсунского рассказа¹¹⁴. Центр городища являл собой к концу раннего средневековья типичную ромейскую платую или форос, который сохранял полифункциональный характер и был застроен не менее чем пятью храмами, портиками, эмволами, административными, престижными зданиями, палатиями, причем хорошо обеспеченными питьевой водой.

¹¹⁴ Он же. Византия IV–IX веков... С. 60–61, 82–83; ср.: Романчук А.И. Очерки... С. 202.